

ПИОНЕРЫ ВСЕГДА ПОМНЯТ СВОИ ОБЫЧАИ И ЗАКОНЫ

ЕЛИЗАВЕТА ГОЛЯКОВА

16+

Елизавета Голякова

**Пионеры всегда помнят
свои обычаи и законы**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Голякова Е.

Пионеры всегда помнят свои обычаи и законы / Е. Голякова —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

На дворе лето 2006 года. Парк аттракционов где-то на Черном море, и в темноте, кроме ярких огней Луна-парка, сияют отблески такого же лета 1985 - странного, почти забывшегося. Лица из прошлого вернуться вновь, выстрелы, взбудоражившие всех двадцать лет назад, прозвучат снова, и можно будет посмотреть, сколько прежних пионеров осталось в нынешних дядях и тетях?..

Содержание

2006 год. Лето как лето.	6
1985 год. Душное лето	15
Горнист играет раз	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Во имя мира и прогресса

Места, которых не будет, нет и не было.

«Пионеры всегда помнят свои обычаи и законы» – из свода пионерских заповедей

2006 год. Лето как лето.

Из старенького репродуктора, угнездившегося на покосившемся столбе разве что с помощью какой-то внеземной технологии, Валя Стрыкало мурлыкал незатейливую мелодию. Вокруг было, конечно, не село Бурыльцево, но Валя, вероятно, почувствовал бы себя как дома. Ниже репродуктора птицы щедро отметились на перегоревшем новогоднем украшении, а еще ближе к земле был прилеплен лист почти газетной бумаги, на котором от дождей и туманов-манов поплыли все цвета. На листке улыбающийся жираф тянул копыто куда-то влево, а рядом еще читалось, пусть и с трудом, гордое «самые страшные качели в городе: веселье гарантировано».

Люди, которые прохаживались по дорожкам из асфальта и ракушек, на жирафа не обращали ни малейшего внимания: визжали-то больше всего в другой стороне луна-парка. А здесь – качели. Придумали тоже! Кому нужны эти качели?

Под столбом остановился парень с узелком волос на макушке, одной ногой уперся в землю, а другую так и не снял с педали то ли велосипеда, то ли машины для попкорна на колесиках и человеческой тяге. Задумчиво поскреб бровь, сунул руку в отсек с готовым попкорном и закинул горсть себе в рот. А потом, недолго думая, поехал в ту сторону, в которую приглашал всех улыбочивый мокрый жираф.

Должно быть, кто-то из работников парка решил проявить чудеса рекламного таланта. Репродуктор чихнул, зашипел и, проглотив первое слово, все-таки забормотал неласковое:

– Дорогие гости нашего парка, аттракцион «Хали-гали» будет запущен в семь пятнадцать, и мы будем рады пригласить вас прокатиться на нем и получить незабываемые впечатления. Помните: это самые страшные качели в городе – так что вам гарантированно будет весело сейчас и что вспомнить – потом! Спешите, не опаздывайте, а также мы уведомляем, что также как и на аттракцион «Паратрупер», вход детям до десяти лет...

Хрипы и хрюканья заглушили, что же такого детям до десяти лет будет от самых страшных в городе качелей. Что-то щелкнуло, снова включилась музыка – кажется, в третий раз за полчаса заиграла «лето-солнце-жара», вдобавок ко всей ее прелести еще и искаженная стареньким репродуктором. Вот уж действительно – танцы до утра...

А с моря подул свежим ветром, запахло водорослями и солью. Должно быть, волны сейчас были – огого! Но парк от побережья отделяла беспощадная сетка забора пионерского лагеря, вся в облупившейся краске и маленьких сереньких улитках, в целых колониях маленьких серых улиток. Обходить лагерь по периметру значит умереть в колючей высохшей траве, достающей взрослому человеку до пояса (а некоторым взрослым, но с узелками на голове – аж до ребер), так что нужно было бы выбраться на дорогу из бетонных плит со скобами и брести по ней – а это добрых полтора часа, не меньше. Героев и дураков на то не было.

Продавец попкорна все это отлично знал, так что без энтузиазма крутил педали велика, высматривая потенциальную жертву. Попкорна сегодня никому не хотелось, и чем ближе вечер, тем больше люди покупают всякие бургеры и кофе, а его тележку игнорируют. Так что, едва за поворотом дорожки мелькнула форменная майка луна-парка, парень покати туда.

– Лер! Лера! Будь своим пацаном, подмени меня пока, м?! – закричал он издали.

Лера, которой предложили побыть своим пацаном, обернулась так иронично, как только могла.

Репродуктор снова чавкнул, из него раздались звуки по-пионерски беспардонной трубы и барабанов.

Эту же мелодию прекрасно слышал и парень в кабине управления аттракционом, и продавец попкорна, и немногочисленные посетители парка. Один поглядывал то на часы, то на такую же облезлую, как и половина парка, цепочку посреди прохода к каруселе-качелям, то на

абсолютно пустую дорожку с трещинами и травой. Что, опять зря напрягался, что ли?.. Другой наоборот, не очень утруждал себя поглядыванием на дорогу перед своим драндулетом. Куда смотрели остальные, остается загадкой.

С моря снова потянуло бризом и волнами, и татуированный босс «Хали-гали» плюнул на все и высунул забитую татуировками под завязку руку в окно, как тракторист. Впрочем, трактор хотя бы ездит...

Антон – это было написано крупными разборчивыми буквами на спине футболки – появился перед окошком аттракциона в самый неподходящий момент и увернуться уже не успел – так и словил расслабленной, как медуза, рукой в лицо. И козырек кепки не спас, предатель.

– Блин!

– Оу, как вышло, – босс «Хали-гали» даже не отдернул руки, более того, подвинулся ближе к окну и высунулся дальше, чтобы замахнуться и прицельно стукнуть прямо по кепке неудачника. – Йо, длинный.

– Слава, сука!

«Слава, сука» ухмыльнулся и, сжавшись, вернул ублюдскую кепку с логотипом парка на ее более менее законное место.

– Чего хотел-то?

Антон был такой высокий, что мог без труда заглянуть в кабинку, и как раз сейчас его улыбающееся лицо возникло в окне. Кажется, он ничуть не обиделся на такой теплый прием.

– Запускаешь сейчас? – он кивнул на пестрый купол аттракциона и поджопные сидушки на цепях. – Я покатаюсь. Пусти, а?

– Да блин, опять никого нет, – Слава снова зевнул. – Если народ не подтянется, ниче я не включу, перебеешься. А ты свое уже отработал, что ли?

Антон живо хохотнул, согнувшись в свои немалые пополам и на пару секунд исчезнув из окна. Снизу раздалось, выдавленное сквозь смех:

– Перебился уже с твоей помощью по лбу! Считай, что у меня обеденный перерыв.

– В семь вечера? – Слава фыркнул и дернул кистью, а Антон вынырнул обратно, без кепки, лохматый – и энергично, со всей дури, что была, вписавшись лобешником в покрытые татуировками костяшки, как второй раз весело и задорно скакнув на уже бившие его пол лбу грабли. Буквально.

– Слава, сука!.. – вырвалось само, пока длинный снова сгибался, сраженный наповал.

Босс самых страшных в городе качелей по—хулигански просиял и мстительно щелкнул тумблером, кашлянул, уже включаясь в эфир:

– Внимание посетителям парка: аттракцион «Хали-гали» ждет вас прямо сейчас. Кто не успел – тот опоздал, эта поездка за сегодня будет последней. Поспешите!

Громкоговоритель отключился, и Слава ткнул в какую-то кнопку, заставляя аттракцион тихонько загудеть. Пока только тихонько. По ободу купола зажигались, словно волна, одна за другой лампочки. Немного подумав, он подкрутил какой-то переключатель, и музыка заиграла громче, заставив старенькие репродукторы встряхнуть их старые громкоговорильные кости.

Что-то мелькнуло возле заградительной цепочки, Слава заметил краем глаза и перевел туда взгляд: и правда, маленькая девочка повисла прямо на заборчике, болтая ногами и явно хохоча. К ней неторопливо подошел папа – коренастый, в очках, интеллигентного вида мужик.

Снимая свое чадо с забора, он покосился на ростомер при входе – дочурка явно не доставали даже до половины необходимого.

– Забор круче любой качельки, ну конечно, – проворчал он, старательно отцепляя детские ручонки от грязного на вид ограждения и поднимая малышку на руки. Ее волосы растрепались и попадали на лицо, так что маленькая принцесса, недолго думая, откинулась назад,

а папа бдительно подставил ей под спину руку, поддерживая и контролируя, но не пресекая шалость.

В этот раз вместо бриза пахло попкорном – неопределенного вкуса, таким отвратительным, что то ли сладким, то ли соленым. Девчонка все отсканировала, тут же оживилась, заерзала и была ловко пересажена на плечи. Папа явно давно отработал систему...

– Доброго вечера! Смотреть на взрослые аттракционы и есть попкорн гораздо круче, чем просто смотреть на взрослые аттракционы! – раздался за спиной звонкий девичий голос. Тренькнул велосипедный звонок.

Система была не у одного родителя маленькой принцессы.

Несколько человек все же подошли к цепочке на входе к аттракциону. Выждав для верности еще минуту, Слава сдернул с крючка рулон билетиков, немного убавил музыку и вылез из кабинки. Что ж, сегодня кому-то повезло.

– Здрасьте. Проходим и садимся, не торопимся. Обязательно пристегнуться, расстегивать ремень до конца поездки и цепляться за другие кресла нельзя, все остальное из разрешенного законом можно. Приятной поездки на «Хали-гали», – заученно объяснил он и снял цепочку. Оторвал первый билетик.

– А фотик оставить сфотографироваться можно? – спросил кто-то.

– До ближайшего сервиса полчаса на раздолбанном такси с радио-романтик, – хмыкнул Слава. – Бесстрашным – можно.

Девушка, собравшаяся фотографироваться, переглянулась со своим, видимо, парнем и покрепче вцепилась в новенькую «мыльницу» в руке, пока ее спутник получал два билетика из газетной бумажки и благодарил за них. Антон, потирая все еще слезящийся от таких издевательств глаз, прошел следом за ними – выбирать кресло и пристегиваться потертым ремнем, чтобы коллега не бесился и не передумал. Еще несколько человек тоже получили билетики: все взрослые, даже никаких компашек школьников или мелких парочек, сбежавших от родителей.

Слава вздохнул. Заполнилось в лучшем случае две трети аттракциона, не самый лучший расклад для вечера пятницы. Впрочем... он огляделся. Кроме девчонки с попкорном и папы с дочкой никого не было на обозримом горизонте.

– Эй, Лерка, пойдешь? – кивок в сторону мерцающих огоньков. – Послежу за твоей адской машиной.

– Я че, мелкая, что ли? – она рассмеялась, выгребая в ладонь остатки попкорна и пристраиваясь на седле велика поудобнее.

– Боишься не пройти проверку на ростомер, – заключил Слава бесстрастно. Но ее было не расколоть так легко – и ход пропал впустую. А жаль, хороший ведь был ход...

В девушке и правда метра полтора, не больше. Форменная футболка делала ее еще миниатюрнее, отнимая пару лет и сантиметров роста. Резиновые браслеты, половина из которых светится в темноте, на узких запястьях и выцветшие, некогда фиолетовые волосы только усиливали эффект. Ей было уже не восемнадцать лет, но представить ее, скажем, матерью или просто взрослой женщиной было нереально. Она как будто из другой вселенной – той, где всегда попкорн и сладкая вата, где носятся по кругу аттракционы и переливается всеми цветами радуги игрушечный тир со сладкими призами.

Должно быть, ей подумалось о том же – потому что она кашлянула и, отряхнув руки от кукурузных зерен, провела рукой по волосам.

– Слушайте, – Лера вдруг обернулась к заботливому отцу, только-только уговорившему дочурку не съедать пакет попкорна в одиночку в турбо-режиме, – а хотите вы покататься?

Тот немного наклонил голову к одному плечу, одаривая ее долгим взглядом.

– А я посижу с малышкой, – нашлась девушка. – Мы со Славой присмотрим за ней в четыре бдительных глаза. А?

Им казалось, что этого мужчину не уговорить никогда. А он глянул на дочку, на аттракцион и на ребят, снова на дочку, и взял да и согласился. Только забрал из детских ручек полупустой пакет, наклонился к девчужке и спросил, не хочет ли она поиграть с большими ребятами – девчужка хотела. Тогда папа попросил ее слушаться их, сунул Славе пакет попкорна в обмен на билетик – и прошел за цепочку.

Слава пожал плечами и вернулся в кабину. Закинув в рот несколько зерен попкорна, усмехнулся себе под нос и наконец нажал на тугую кнопку запуска «Хали-гали». Мотор аттракциона радостно загудел, принимаясь за работу. Он гудел и гудел, почти урчал, как сытый довольный кот, разгоняя машину круг за кругом, как сотни и сотни кругов раньше. Парень откинулся назад в кресле, складывая худые руки на груди и тоже останавливая взгляд на переливающимися, сверкающих огнях – и это было прямо-таки красиво.

Когда оказываешься в кресле на аттракционах, уже пристегнулся и сел спокойно, вдруг срывается с катушек сердце. Почему-то то замирает, то сладко тянет, предвкушая любимое с детства чувство полета и возобновление веры в собственное бессмертие. Можно сколько угодно прыгать с парашютов и выступать в Олимпийском или, скажем, в Крокус Сити где-то в Москве, можно еще в одиннадцать с половиной однажды и навсегда узнать про себя, что боишься ты только самую высокую горку в аквапарке (и то из—за строгого дядьки—инструктора перед спуском) – но все равно, сложив вместе блеск аттракционных лампочек и пристегнутый ремень, ощущаешь мандраж и мурашки по одной щеке.

Пусть у кого-то это два дня не бритая щека, ну и что. Пусть твой собственный ребенок скоро потопает в школу, а еще через пару лет дорастет до нижней отметки допустимого на ростомере на этот же аттракцион. Они сейчас были здесь, взрослые, удачно попавшие к указателю с жирафом и переросшие весь ростомер целиком в полтора раза. Взрослые, которых что-то внутри заставило прийти в старенький луна-парк, бродить по пыльным дорожкам и зайти в самую дальнюю часть территории, мимо потекшего претенциозного жирафа.

Значит, это им было очень нужно.

Мотор загудел. Кресла едва заметно задрожали, рождая у людей внутри примерно такую же дрожь.

– Смотли, папа полетит! – малышка, устроившись на коленях у Леры, принялась махать качеле-каруселям и напрочь забыла про попкорн.

– Полетит высоко-высоко, – легко согласилась девушка.

– А ему не страшно?

– У тебя бесстрашный и смелый папа. Он ничего не боится, даже аттракционов.

В глазах у малышки отражались яркие гирлянды лампочек и полный восторг.

«Хали-гали» разгонялся, кресла взлетали все выше и выше, и выше и шире, увлекаемые центробежной силой. И в какой-то момент, вдруг, начала вращаться и крыша, наклоняя аттракцион то в одну, то в другую сторону. Амплитуда безбашенно росла.

Антон не раз катался на нем, как и на всех аттракционах в парке, и не собирался удивляться. Но этот раз, как каждый из предыдущих, оказался особенным. Особенно захватывающим, особенно сильным, особенно искренним – и такого, как сейчас, не было еще никогда. На третьем круге парень поймал у себя в горле замирающий, в четверть голоса вскрик – и зачем-то решил, что раз уж пришел на качеле-карусель, стоит поорать.

И он, мяукнув на особенно крутом вираже, почти ожидал это услышать, когда девушка выкрикнула восторженное «ваааау!», и Антон увидел, как та тянется руками к небу и разноцветным лампочкам, словно маленькая девчонка. А мгновение спустя услышал и свой собственный голос, вторящий тому «вау».

Они переглянулись и расхохотались, мешая так легко рождающиеся вскрики восторга со смехом.

Было невероятно оказаться наравне с кипарисами, над сверкающим парком – блестящим озером водного картинга, детскими американскими горками и вечно закрытой пиратской ладьей, над поднявшими к ним головы людьми и над великом с машиной по приготовлению попкорна, увидеть краешек блестящего моря – и знать, что твои чувства делятся сейчас на два, нет, возводятся в квадрат.

– Это самое приключенческое приключение за целый год! – раздался чей-то вскрик после особо крутого виража.

– Приключение пушечное, ты прааааа!..

Окончание фразы утонуло в его собственном возгласе и чьем-то заразительном смехе, и их голоса утонули в хоре воплей и визга. Как будто детская площадка внезапно оказалась на горках для камикадзе. Взрослые, хранящие внутри те места, которых уже давно нет.

Но когда ты летишь на каруселе-качелях, про всю эту философию как-то не думаешь – просто орешь, болтаешь ногами и хохочешь, пытаешься запомнить эти несколько минут как можно железобетоннее, впаять их в себя накрепко, чтобы греться ими в самые тяжелые времена. Но о тяжелых временах ни одна мысль не прокрадывается в голову того, кто взлетает к закату небу и видит сияющее море, нет. В голове только ветер, в прямом и переносном, ветер и блеск далекой воды.

Впереди папы той жизнерадостной девчушки сидел какой-то парень, на вид лет семнадцать, вряд ли больше. Особенно не хохотал, не орал, но и крутого из себя не строил. Обычный такой пацан. А сзади раздавались восторженные голоса девушки с парнем и мыльницей – им все, конечно, безумно нравилось.

И когда вдруг, уже перестав разгоняться, и даже, кажется, чуть сбавив обороты, мотор как-то подозрительно чихнул, никто этого так и не заметил. Парень-наблюдающий вылез из своей кабинки и аккуратно, даже опасливо здоровался с малышкой за руку, нарочито серьезно, как со взрослой. Ее это приводило в полный восторг, а Лера фыркала в сторонке, снова лениво принимаясь за попкорн. Можно ли считать лето не спущенным в трубу, если самое увлекательное зрелище на обозримом и необозримом горизонте – это Слава, неожиданно нашедший общий язык с маленьким ребенком?

– Меня зовут Слава. А тебя? – серьезно спрашивал парень, глядя в любопытные глазенки.

– Ксюша, – кивнула малышка не менее серьезно. – Давай дружить!

А за одним секундным помутнением в механических мозгах «Хали-гали» тем временем последовало второе и, почти сразу за ним, третье. Его уже заметили многие: мотор ощутимо сбился с работы, кресла трянуло. И они полетели по инерции дальше, и даже сделали круг – как вдруг что-то в машине разладилось, она надломленно лязгнула, и следом раздался жуткий скрежет. Трянуло так, что лязгнули зубы – и аттракцион замер, как одним ударом добитое животное.

– Бл*ть! Бл*ть, бл*ть! – словно Славу трянуло разрядом тока. Он уже вырвался из ручек малышки и рванул к кабине, но это бы уже ничего не исправило.

Лера подхватила маленькую на руки, стремительно покрываясь красными пятнами. А в кабинке парень дергал тумблеры, сбрасывая напряжение еще работающего мотора, ругался сквозь зубы и не сквозь – тоже.

– Полегче, Слава! – крикнула ему девушка, и тот только дернул плечом.

Он хотел сейчас опустить кресла к земле и скорее снять людей с аттракциона. Хотя бы опустить кресла настолько, чтобы с них можно было легко прыгнуть вниз. И, когда тумблер за тумблером, кнопка за кнопкой оказывались бесполезны, не отзываясь ни на одну команду, он решил хоть зафиксировать раму качеле-карусели в том положении, в котором она замерла, чтобы вдруг ничего не швырнуло пассажиров об землю. И даже это он сделать не смог. Вообще ничего не смог. Ничего, черт возьми!

С кресел уже раздавались недовольные голоса, отравленные зародышами паники.

Слава вылетел наружу, спрыгнул на землю и побежал к «Хали-гали». Он до зимы и этого долбанного закона подрабатывал в казино¹, так что владел собой достаточно, чтобы не обнаружить перед посетителями парка свой страх, настоящий холодно-липкий страх, который сдавливает горло и живот, оказавшиеся неожиданно близко друг к другу, а не тот, который заставляет визжать на аттракционах.

– Молодой человек, что это такое?

– Что вообще происходит?!

– Запустить аттракцион, это безобразие! Как так можно?! Мы заплатили за нормальное катание!

– Молодой человек!

Слава сглотнул и заложил руки за спину, натягивая на лицо как можно более приемлемое выражение. Уже одно это далось ему нелегко, а ведь еще предстояло успокоить этих людей, которые бросились обвинять его и напоминать про оплату прежде, чем он подошел... Выдох, вдох. Медленный выдох, глубокий вдох. И еще.

– Сохраняйте спокойствие, пожалуйста. Аттракцион временно вышел из строя, и чем спокойнее вы будете, тем менее опасной будет ситуация. Сотрудники парка уже, – он бросил взгляд за спину, где девушка уже наговаривала что-то в телефон, и, предвосхищая недовольный ропот, успокаивающе поднял руки, – уже вызвали спасательную бригаду. Скоро вас снимут, только, очень прошу, не дергайтесь лишний раз и не нервничайте.

– Легко сказать – не нервничайте!

– Капец! Что за дичь?!

– Как быстро они приедут?

Слава вздохнул и покачал головой. Если бы он знал, о, если бы он знал!

Но среди встревоженных лиц были и на удивление бесстрастные, даже скучающие – вот, отец той малышки подпер щеку кулаком, приготовившись ждать без единого возмущенного слова, да и парень перед ним вглядывается больше в море, виднеющееся на горизонте, чем в вышедший из строя механизм. Слава вернулся к кабине, по дороге стараясь вызвать перед глазами их спокойные лица – это помогало убедить себя, что все еще может закончиться хорошо.

А на «Хали-гали» стали завязываться разговоры.

– Это почти как в лифте застрять, только нет клаустрофобии и страха задохнуться, – Настя, девушка с фотоаппаратом-мыльницей, откинула волосы за спину и пожалала плечами. – Ничего такого уж страшного и не случилось.

– Да уж, застрять в лифте как-то тупее, – кивнул папа малышки, оказавшийся Юрием.

Как-то само собой получилось, что они перезнакомились, когда стало понятно, что по щелчку пальцев их оттуда не снимут. Компания подобралась нормальная: парочка влюбленных, двое парней в том возрасте, когда уже пробовали пиво, но еще без водительских прав, батя Юрий и еще одна женщина, которая, судя по внешности и манере держаться, могла бы быть юристом или аниматором, но точно не учительницей и не медсестрой.

– Но вы знаете, – продолжала девушка, – мне в ту секунду показалось, что это кричал живой человек.

– Этот аттракцион – наш ровесник. Даже скорее мой, чем ваш. Думаю, он имеет право.

– Вряд ли его с тех пор и смазывали, – Настин парень, Марк, фыркнул, вроде бы скептически, но можно было рассмотреть, что его пальцы побелели от мертвой хватки, которой он вцепился в поручни.

Его девушка тоже это заметила.

---

¹ 26 декабря 2006г был принят законопроект «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр», суть которых состояла в укрупнении и концентрации игорного бизнеса в четырёх специальных игорных зонах.

- Маркуш, да ты боишься?
- Слегка тревожусь!
- Ну-ну.

Кто-то позади них хмыкнул, но от любых комментариев воздержался. Впрочем, накалившаяся атмосфера стала успокаиваться, первая паника, ударившая в головы, отступила. Постепенно до пассажиров доходило, что главный враг им сейчас не высота и не машина, а скука. Ну, мужчина был прав – хоть не в лифте застряли, и то легче. Там им всем было бы еще и неудобно стоять в толпе.

– Можно счесть это за экстремальный отдых, – женщина под сорок, одетая в подростковые вытертые джинсы и новенькие кеды, тоже подала голос. Ее звали Ольга, у нее сын-подросток и три хомячка (непонятно, куда девать). И тоска по рок-фестивалям, старым раздолбаным тачкам, кассетным плеерам и песням под гитару. На аттракцион она приехала из города – отпросилась на работе пораньше, чтобы успеть. – Некоторые вот аж деньги платят, чтобы испытать что-то такое, там, на утесах обедают или еще что. А у нас все включено сразу, хехе.

– За что бы я сейчас заплатил, так это за то, чтобы слезть отсюда и пойти неэкстремально, даже очень банально и скучно ужинать в макдаке.

- Или на море...
- О, море!..

Все повернулись туда, где блестела за деревьями сине-зеленая вода. В свете заходящего солнца на нее почти больно было смотреть, и она отливала золотом и бриллиантовым блеском. Это успокаивало.

Насмотревшись, разговор продолжали. Настя фотографировала между делом, пока не кончилась пленка, а потом удовлетворенно убрала мыльницу в бездонный карман и ленивым взглядом принялась обводить других пассажиров. Ольга, Юрий, ее Маркуша, Антон, какой-то пацан, а, мур-мур, дорогой... И уже собравшись было отвернуться, она вдруг задержала взгляд на Юрии и посветлела лицом, явно углядев что-то интересное.

- Простите, а это у вас кольцо из «Властелина колец»?

Тот зачем-то глянул на свои руки, прежде чем ответить, а потом кивнул.

- Оно самое.

– А откуда? – Маркуша тоже присмотрелся, и специально для него мужчина повернул кисть то одной стороной, то другой. Кольцо блеснуло золотым.

– Да как-то сделал себе. В детстве отдал бы за него все что угодно и даже больше, а сейчас... Сейчас оно мне в пол вечера работы обошлось, это как футбол глянуть после работы. Я был помладше, промышлял по мелочи, делал такие штуки. С тех пор и ношу.

И он не обратил внимания, но тот парень в соседнем кресле, не интересовавшийся особо ни разговором, ни своими соседями, теперь не только внимательно прислушивался к его словам, но и словно бы подобрался, сел ровнее, перестал слабо болтать ногой в воздухе. Теперь и паренек рассматривал золотое кольцо. Оно так блестело на пальце, что с определенного ракурса да под вечерним солнцем готово было посоперничать даже со слепящими отблесками на глади моря. Кольцо Всевластия, реликвия из книжек. В нем – вся история, начало и конец, и неотвратимая печаль в пустоте. Древняя легенда из заокраинного мира, сказка ли, эпос ли, хроника ли?

Наверное, просто пацан фильм видел, и теперь гадает, зачем игрушка такому взрослому мужику, даже бате уже, которому через пару лет показывать трилогию дочурке, а не самому играть в эти игры.

– А у меня есть из Звездных Войн кулон, – Антон оторвался наконец от созерцания безнадежно и, главное, непонятно как сломанного механизма и тоже включился в вялотекущий разговор. – Друг подарил, вроде, с феста какого-то приволок.

- Имперский? – Ольга чуть подалась вперед, почуяв знакомую почву.

Антон мотнул головой:

– С Орденом Джедаев.

– Хороший друг, – одобрил Марк, внимательно его слушавший все это время. – Вот если тебе твой собственный старый принтер с работы сперли и потом дарят – то друзья говно.

Раздались смешки, его подружка хихикнула – поняла, видимо, в адрес кого из их общих знакомых это была шпилька.

– Ну, может, он вам однажды понадобится, – пожала плечами Ольга.

– Ага. Стол подпирать? – парень фыркнул, отмахиваясь. – Если бы он еще работал, еще может быть. А так...

– А ты его обратно передай, – Антон пожал плечами, балансируя между серьезностью и усмешкой, – с ленточкой и по всему параду.

За Маркушу ответила его девушка:

– Друзей, – говорит, – жалко.

Они переглянулись, и парень ухмыльнулся, на глазах загораясь подброшенной идеей. Было видно, что он уже и не то чтобы сильно жалел, что застрял на этой карусели – когда бы еще придумал, куда деть дурацкий принтер?

– Так они ж говно! Ничего не жалко, – он потер руками. Сам не заметил, как отцепился от ремней и поручней и перестал думать о высоте.

Девушка сдалась.

– Тогда давай туда же того жуткого чугунного муравья еще запихнем? Паше принтер, а Катке муравей, пусть сама с ним парится.

И они, понизив голоса, заговорили о каких-то своих друзьях, вспоминали предыдущий новый год, бесячую Катку и какие-то тупые конкурсы. И хотя речь шла о совсем чужих делах, вокруг сразу стало как-то уютнее, словно ты оказался на кухне вечером, перед единственным телеком в доме, и ждешь чайник, уже приготовив дурацкую сувенирную кружку откуда-нибудь из Питера.

Тем временем Ксюшу под неотрывным присмотром Леры посадили в бесполезную теперь кабину управления аттракционом, откуда-то девушка достала плед, и, ненадолго оставив девочку на Славу, вернулась с ворохом мягких игрушек. Выглядели они абсолютно так же, как призовой фонд в палатке с тиром, и наводили на мысли о наглom ограблении, но, главное, ребенок был всецело ими поглощен и счастлив.

Сидя у Леры на коленях, девочка изучила все игрушки. А изучив, выбрав для каждой место на пульте и выдав по персональному заданию (веселиться, смотреть на огонечки, кушать вкусную морковку и быть красивой), малышка призадумалась, теребя косичку.

Думала Ксюша не долго: ухватила Славу за рукав и потянула, привлекая внимание.

– А почему папа не хочет спускаться? – спросила она хитро-хитро, примерно как спрашивают, «где это у нас спряталась последняя ненайденная девочка в прятках, ну-ка сейчас найдем ее и будут туки-туки за Ксюшу».

Лера незаметно легонько толкнула парня кроссовкой, мол, уж постарайся объяснить нормально! Слава толкнул ее в ответ.

– Папа и остальные сегодня будут спускаться по большой клевой лестнице на крыше оранжевой машины, представляешь?! – доверительно начал он. – Такая большая крутая машина и красивый вечерний свет.

Ксюша закивала, удовлетворившись ответом, и, еще немного подумав, протянула Славе корову-пирата в красной футболке.

– Давай иглать, как будто коловке надо на пилатский колабль? – не вопрос, а требовательные условия уже неизбежной игры.

Вряд ли Слава знал, как коровы-пираты попадают на свои пиратские корабли.

– А, может быть, ты хочешь сходить с Лерой и посмотреть настоящий пиратский корабль? Огромный и с фонариками, м? – нашелся парень с надеждой.

Надеждам его не суждено было сбыться.

– Не хочу. Хочу со всеми тут иглать!

Лера не сдержала смешок – так умильно выглядел забитый татуировками, грубоватый в обычное время Владислав, пасующий перед требовательным «давай иглать!» и аккуратно принимающий от девчушки корову-пирата.

– Ну что ж, – он стрельнул в девушку глазами, имея ввиду, что и ей не обойтись без абордажа, флага и всех этих пиратских штучек, – давай.

Как раз опускались вечерние сумерки – гирлянда вокруг «Хали-гали» горела на фоне темнеющего неба все ярче, от нее растекался теплый желтый свет, и правда как от лампочек на старых крохотных кухоньках, где вечно слишком мало табуреток, но никогда не слишком много людей. Уютным стало и поскрипывание свободных кресел на цепочках, острые верхушки кипарисов, вечных символов русского юга, и разгорающиеся внизу огни луна-парка.

Разговор между небом и землей заглох. Но не так, как бывает, когда незнакомые люди или дальние родственники оказываются заперты вместе, а как когда каждому достаточно спокойно, чтобы соскользнуть в свои мысли, и тени из одного мирка ложатся немного в мир твоего соседа. Эдакое пересечение микро-вселенных. Кухонный свет.

Юрий поднял взгляд на крышу аттракциона у себя над головой. Вокруг лампочки кружил мотылек, бился о защитный плафон и хлопал прозрачными крылышками, напоминая, как быстро сгущается темнота и приближается ночь. Вдалеке шумело море, потому что пришли ночные волны, которые вынесут на берег медуз и невиданные сокровища – вестников приключений и прекрасных историй.

1985 год. Душное лето

Горнист играет раз

Мотылек бился о лампу в треснутом плафоне, хлопал прозрачными крылышками и наматывал круг за кругом. Было слышно, как шумят на море ночные волны. Волны эти скоро вынесут на берег невиданные богатства, за которыми надо будет отправиться завтра как можно раньше, до завтрака и даже до подъема.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.